

provided to itself positions of exclusive distribution of habitation in a society is considered. Actually housing policy in the Soviet and Post-Soviet Russia was and remains the political tool of the official pow-

er exploited in it.

Key words: social policy, the housing policy, building and habitation distribution, monopoly, «military communism», «thaw», «stagnation», corruption.

УДК 323.1

Муканова А.С.

СОВЕТСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ЕЕ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ВЗГЛЯДОВ НА ФЕНОМЕНЫ «НАЦИЯ» И «НАЦИОНАЛИЗМ»*

Аннотация. Статья рассматривает советскую национальную политику с точки зрения ее влияния на формирование взглядов о понятиях, прежде всего, «нации» и соответственно «национализма». Эти феномены вызывают достаточное количество споров и дискуссий в исследовательском сообществе. В советское время при крайне непоследовательной национальной политике в государстве сложилось понимание национализма в резко негативном ключе, а нация понималась как последняя стадия в развитии, данная в трехчленной формуле (племя-народность-нация), наделенная соответствующими неотъемлемыми признаками.

Ключевые слова: нация, национализм, советская национальная политика.

Феномены «нация» и «национализм» являются сложными для объяснения понятиями, вызывающими споры в научном сообществе. Дискуссии ведутся по вопросам генезиса, момента зарождения и типологии, а также по вопросу их существования и сущности. В западной исследовательской литературе доминирует употребление термина «nation» в смысле «state», но нельзя сказать, что полностью изжита противоположная тенденция: понимать нацию не только как политическое сообщество, но и культурно-этническое, чему находит подтверждение уже в российских работах по данной проблематике. Другим серьезным водоразделом в литературе о нациях и национализме является их понимание в качестве объективных, или же субъективно-объективных явлений. Сторонники примордиалистского подхода трактуют нацию и национализм как объективно существующую реальность, формирующуюся и/или существующую независимо от воли людей, вследствие объективных факторов. Следовательно, национализм, если оценивать его негативно, – это нечто вроде стихийного бедствия, которое трудно кон-

тролировать. Есть другой подход, сложившийся в рамках конструктивизма и инструментализма, где «нация» – это «воображаемое сообщество» либо символическая категория, изобретенная для реализации интересов определенной группы лиц. Но в рамках этой статьи мы на этих подходах останавливаться не будем, т.к. нам важно продемонстрировать тот факт, что советская национальная политика повлияла на упрочение позиций примордиализма в его социо-историческом варианте в нашей стране со всеми последствиями для современной этнонациональной ситуации в целом.

Распад Советского Союза повлек за собой всплеск интереса к проблемам «национального». Процессы становления и укрепления новых государств, в том числе и России, были связаны не только с политическими и экономическими трансформациями, но и с произошедшими изменениями в сфере массового сознания: советская идентичность сменилась на гражданскую идентичность новых независимых, суверенных государств. Подобные изменения напрямую касаются процесса строительства нации. Поиск национальной идеи в середине 1990-х гг. был достаточно интенсивен, его актуальность была обусловлена всплеском сепаратистских тенденций, сопровождавшихся апелляцией к этничности как способу мобилизации населения. Создание национальной идентичности – особого национального «мы» – связано с национализмом, на основе которого осуществляется процесс государственного строительства.

В постперестроечный период все больше исследователей обращается к национальной проблематике периода Советского Союза. В 1996 г. вышел коллективный труд по обзору новейших исторических исследований в России, который содержит статьи по «национальной» тематике [1]. После этого появился еще ряд обзорных и критических работ, которые дополняют сложившуюся картину исследований [2]. С теоретико-методологической точки зрения, подавляющее большинство отече-

* © Муканова А.С.

твенных и других постсоветских авторов считают, что длительно существовавшие культурно-хозяйственные, языковые, религиозные различия среди населения являются фундаментальными, наследуемыми и определяющими самосознание индивида и коллективных общностей. Эти исследования, проведенные в рамках эссенциалистской или примордиалистской методологии, также обращены и к периоду существования Союза.

В период холодной войны СССР рассматривался в основном как империя. Французский историк Э. Каррер д'Анкокс выпущенную в 1978 г. книгу об этнических проблемах в СССР назвала «Распадающаяся империя». Впрочем, до предсказания распада СССР автор не дошла, но она весьма критически оценивала состояние этнической периферии, систему властных взаимодействий и советскую национальную политику. В результате уже в 1993 г. Э. Каррер д'Анкокс издала новую книгу «Конец Советской империи – триумф наций» [3]. Собственно говоря, в этом названии и заключен весь смысл: СССР был империей по причине большого числа заключенных в его границах наций и их неравноправного положения, и конец империи наступил в результате их борьбы за свободу и самоопределение. Приверженцем традиционно-имперской объяснительной модели является и известный немецкий историк А. Каппелер, который так же, как Э. Каррер д'Анкокс, уже самим названием книги «СССР как многонациональная империя» [4] более чем ясно определил свою позицию. Английские историки и политологи тоже не обошли историю национального вопроса, который специально рассматривается в работах Дж. Смита, Дж. Хоскинга и других.

Более молодое поколение западноевропейских исследователей отходит от прежних интерпретаций. Скорее всего, на них оказали влияние теоретико-методологические разработки и конкретные работы американских и российских ученых. Но почти все эти историки разделяли убеждение о том, что существовала советская национальная политика (хотя было несогласие по поводу того, насколько последовательной она была в течение долгого времени, и того, до какой степени она соответствовала марксистско-ленинским идеям или же вообще была под влиянием большего числа случайных факторов). Ю. Слезкин в своей статье в 1994 г. высказал мнение, которое впоследствии было поддержано американской историографией: советское государство последовательно проводило политику продвижения этнических различий на территориальной основе [5]. Последней отметим работу гарвардского профессора Т.Мартина «Империя положительного действия» [6], в которой он подробно (на основании разнообразных источников) прослеживает эво-

люцию политики советской власти с самого начала 20-х до начала 30-х гг., то есть в то десятилетие, которое включило в себя формирование СССР – период политики, получившей общее название коренизации.

Российская империя до революции представляла собой пестрый конгломерат народов со своими национальными проблемами, интересами, идеологией. Решалась задача объединения различных частей империи, и курс в основном был взят на русификацию и ассимиляцию, хотя были и исключения. Царизму не удалось создать нацию в пределах всей империи или хотя бы привить национальное чувство коренному русскому населению. Царская Россия прекрасно справилась с задачей строительства государства и создания империи, однако потерпела неудачу в образовании гражданской полиэтнической «российской нации» в рамках этой империи. Российская власть время от времени вставала на путь нациестроительства, но эта государственная практика всегда вступала в конфликт со структурами и дискурсом империи.

Центральным местом большевистской национальной политики после прихода их к власти была «Декларация прав народов на самоопределение», принятая Советом народных комиссаров 2 ноября 1917 г. В.И. Ленин в своей работе 1916 г. «Социалистическая революция и право народов на самоопределение» продекларировал право на свободное политическое отделение для всех национальностей без оговорок. В этой же работе он разделил типы национальных движений, характеризуя Российскую империю как одну из территорий, где «двадцатый век развил буржуазно-демократические национальные движения и обострил национальную борьбу» [7]. Но в коммунистической партии по национальному вопросу происходили разногласия, значительная группа под руководством Ю. Пятакова, Н. Бухарина и К. Радека утверждала, что продолжение существования наций в социалистическом обществе недопустимо, это только отвлекает от классовой борьбы, и признание национальных прав лишь дает возможность увидеть буржуазных националистов. Достаточно напряженные споры между этой группой и В.И. Лениным на VIII конгрессе партии в марте 1919 г. привели к компромиссной резолюции, которая представляла новую идею в праве наций на самоопределение: желание нации по этому вопросу теперь будет зависеть от уровня исторического развития нации.

Даже в этой закрепленной форме ни одной нации не давалось возможности провозгласить самоопределение, и к 1920 г. комиссар по делам национальностей И.В. Сталин провозгласил самоопределение контрреволюционным лозунгом.

Первоначально большевики не имели чет-

кого представления об организации многонационального советского государства. Принципы ленинской политики обеспечили некий каркас: национальные меньшинства, которые угнетались царизмом, могли быть уверены, что такого отношения к ним больше не будет; они должны создать собственные местные институты и быть ответственными за культурные вопросы, кроме того, они должны получить такие же языковые и образовательные права, как и русские, там, где это необходимо, по мнению центра. В.И. Ленин также был согласен с необходимостью некой национальной автономии, различные формы которой предлагались европейскими марксистами с начала XX века.

Противоречивость теоретических постулатов влекла за собой крайнюю непоследовательность «национальной политики». Приоритетом этой политики, определенным в резолюциях 1923 г., стало поощрение местных языков и местных элит. На начальном этапе политику определяли как *национализацию*, а в республиках просто говорили об *украинизации*, *узбекизации*. Вскоре эту политику стали называть *коренизацией*, то есть поощрением *коренных* народов в противовес *пришлым*. (Важно оговориться, что И.В. Сталин термином *коренизация* не пользовался, неизменно предпочитая термин *национализация*.) Национальные идентичности активно внедрялись и утверждались в различных формах и с помощью разнообразных институтов: фольклора, костюма, музея, театра и оперы, литературы, исторического нарратива. Ключевой задачей была деполитизация национальных идентичностей нерусских народов через подчеркнутое уважение к ним. Коренизации широко противостояли местные русские (и некоторые нерусские) коммунисты, эта политика была успешной в утверждении местного национального руководства и в усилении национальной идентичности, которая стала увязываться с территорией, что сформировало основу для будущих постсоветских независимых государств.

Большевики считали, что человек – заложник коллектива, а нации – это сообщества, реальность которых не зависела от того, признавал индивидуум свою принадлежность к ним или нет. Безусловно, данные представления о нации повлияли на всю дальнейшую историческую ситуацию в целом. Согласно им, нация формируется исторически и является формой существования современных европейских обществ. У большевиков не было ни малейших сомнений на этот счет, поэтому все советское население должно было разделить общую судьбу, то есть стать членами этнокультурных наций. Однако сталинская нация являла собой нечто большее, чем просто исторический эпизод и временную уступку автономистским устремлениям этнических меньшинств. Она была коллекти-

вом, к которому человек принадлежал независимо от своего желания, и задачей правительства было распределить подданных по нациям.

И.В. Сталин выпустил получившую в партии большой резонанс серию статей «Национальный вопрос и социал-демократия», изданных в 1914 г. отдельной брошюрой «Национальный вопрос и марксизм», опубликованных позднее в его сочинениях под названием «Марксизм и национальный вопрос». В этой работе И.В. Сталин сформулировал следующее, на долгие годы ставшее в СССР каноническим определение нации: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры». При этом И.В. Сталин подчеркивал: «...достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков, чтобы нация перестала быть нацией, ...только наличие всех признаков, взятых вместе, дает нам нацию» [8].

Сопутствующим обстоятельством этому развитию в официальном марксизме было появление официальной теории этногенеза, которая стала основой для большинства исследований в общественных науках и истории. Считалось, что социалистические нации имеют этнические корни, которые надо проследить с ранних времен. Последствием стало ужесточение этнических границ и повышение значимости этнической идентичности для советских граждан в их повседневной жизни, в то время как реальное содержание этнических различий уменьшалось. Советские руководители не делали различия между понятиями «этнос» и «нация», историческая советская наука обосновывала, что нация – это высшая стадия этноса, после племени и народности. Соответственно национализм в советское время рассматривался как антипод интернационализму, как этнический национализм, в жестких, негативных оценках, как чувство исключительности и превосходства одной нации над другой, а следовательно, по их мнению, одной этнокультурной общности над другой.

И.В. Сталин несколько поменял национальную политику уже в первые годы своей власти. Частично был наложен запрет на политику коренизации с 1932 г., русские начали доминировать в нерусских регионах. К концу десятилетия все национальные лидеры 1920-х гг. были в большинстве случаев заменены на русских. Полуофициальная позиция русского языка как *lingua franca* Советского Союза была закреплена законом в 1938 г., который сделал изучение русского языка как второго обязательным во всех нерусских школах.

Эти изменения часто интерпретировались как свидетельство политики абсолютной русификации. Но национальные культуры продолжали развиваться, хотя в более «народной» форме, кон-

ституционный статус республик остался неприкосновенным, и местные национальные политики и национальные языки продолжили играть главную роль в жизни республик. Т. Мартин обозначил уклон к примордиальному видению наций в 1930-е гг., которое подчеркивало, что нации являются постоянными и таким образом не могут слиться или быть поглощенными русской нацией.

Угроза большой войны вызывала среди руководства Советского Союза страх того, что страна может распасться по этнонациональным границам, поэтому пропагандировались в основном сходства, а не различия между нациями. Необходимо также отметить, что в официальной риторике советских властей в этот период национальные проблемы считались несуществующими, национальные идеологии и движения, пытавшиеся эти проблемы обозначить, решительно подавлялись. В условиях насильно создававшегося политического вакуума национальный фактор на уровне межличностных отношений играл второстепенную роль.

Новая идентификация наций как примордиальных сущностей приводила к следующим выводам: если нации примордиальны по своей сути, то все члены данной нации разделяют коллективные черты и характеристики, которые могут быть как положительными, так и отрицательными. В напряженной международной обстановке в конце 1930-х гг. эти черты могли заключать в себе тенденцию к ненадежности и предательству в случае войны. Уже во время сталинского Большого террора были проведены соответствующие действия против поляков, немцев и финнов в 1937 г. Когда напряжение с Японией возросло, каждого этнического корейца депортировали с огромной территории дальнего Востока. Между 1941 и 1944 гг. немцы Поволжья, карачаевцы, калмыки, чеченцы, ингуши, балкарцы и турки-месхетинцы Закавказья были обвинены в предательстве и сосланы со своих земель.

Таким образом, с 1930-х гг. в национальной политике появляется новая тенденция: создается советское национальное сообщество из стандартизированных, культурно однородных индивидов. СССР должен был стать образцом экономической и культурной территории с однообразным населением для более эффективного управления. Репрессии в отношении этнических меньшинств как врагов были в русле политики исключения тех, кто не может интегрироваться в единую советскую общность. В советской национальной политике было заложено фундаментальное противоречие: стремление к национализации этнических территорий (т.е. создание этнонаций) и стремление к ассимиляции разных национальностей в рамках советского народа (стремление создать гражданскую

политическую нацию). Объединение и разобщенность были сознательными, хотя и противоречащими целями, устоявшимися в политике советского государства. По словам Р. Суни, «Государство, ставящее целью преодоления национализма и различий между нациями, на самом деле создавало институты и инициировало процессы, которые ускорили развитие сознательных, светских, политически мобилизованных наций» [9]. С самого начала непоследовательное проведение политики, поощряющей национальное развитие, с одной стороны, и реализующее требование централизованного, идеологически и культурно однородного государства, с другой, вызывало напряжение, приводящее к нестабильности, которая предшествовала падению Советской системы.

Последствия «политики положительного действия» и последующей советизации и борьбы с местными национализмами, репрессий в отношении целых народов сохранились не только вплоть до краха СССР, но и в современной России. Это, во-первых, различные формы национально-территориальных образований. Во-вторых, массовые представления о «национальной собственности» на территорию. В-третьих, образы прошлого и национальные исторические нарративы, которые оказались очень устойчивы, так как внедрялись в массовое сознание параллельно с ликвидацией безграмотности – хорошо известно, что с распространением массовой грамотности механизмы межпоколенческой передачи исторических образов и мифов и вообще механизмы воспроизводства групповых идентичностей существенно меняются. На наш взгляд, принципиальное значение имеет и то, что на протяжении семидесяти с лишним лет правления коммунистов, а также после распада СССР изначально шло упорядочивание пространства в соответствии с представлениями о «весе» различных этнических групп. Одни производились в разряд «наций» и символически наделялись «государством» («национально-территориальным образованием» того или иного уровня), другие объединялись в подобное образование с одной или несколькими группами, третьи не получали своей территории, поэтому в настоящее время в политическом и академическом дискурсе обсуждения национальных проблем часто происходит непонимание, кого относить к нациям, а кого нет.

На протяжении длительного времени многие народы, проживающие на территории современной России, считались нациями, хотя в действительности под этим понималась этнокультурная общность. То же касается и национализма, который несет в себе негативные коннотации и получает в целом отрицательные оценки, так как интерпретируется в России преимущественно как этнический национализм.

В настоящее время в современном российском «национализмоведении» создаются теории нации и национализма, объясняющие эти феномены в рамках различных дисциплин и методологий, хотя нельзя сказать, что преобладание взгляда, сформировавшегося на национальные проблемы в Советском Союзе, преодолено, но эта уже тема другого исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. - М., 1996.
2. Национальная политика в России: история и современность. - М., 1997. Зорин В.Ю. Национальная политика в России. История, проблемы, перспективы. - М., 2003.
3. Carrere d'Encausse H. The End of the Soviet Empire: The Triumph of the Nations. - N.Y., 1993.
4. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. – М., 2000.
5. Slezkine Y. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Slavic Review. - 1994. Vol. 53. № 2. - P. 415.
6. Martin T. The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939. – Ithaca,

- 2001.
7. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. - С. 252,260.
8. Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос. – М., 1939. - С.6.
9. Суни Р.Г. Империя как она есть: имперский период в истории России, «национальная идентичность и теории империи // Национализм в мировой истории – М.: Наука, 2007. - С.43.

A. Mukanova

THE SOVIET NATIONALITY POLICIES AND ITS INFLUENCE ON UNDERSTANDING THE PHENOMENA «NATION» AND «NATIONALISM»

Abstract: This article focuses on the Soviet nationality policies and its influence on the development of phenomena “nation” and “nationalism”. These notions give rise to debates and discussions in the scientific society. In the soviet period there were inconsistent national political methods, and nationalism was understood in negative way, and nation is the supreme stage of the ethnos with appropriate inalienable signs.

Key words: nation, nationalism, the Soviet national policy.

УДК 929.6 (470+571)

Багулин А.В.

ИКОНОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ГЕРБОТВОРЧЕСТВА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ*

Аннотация. В данной статье содержится анализ возникновения, преемственности и индивидуальных особенностей российской геральдики, дается анализ существующей литературы, посвященной данной тематике, современной законодательной методике создания и классификации гербов.

Прочитав статью, можно прийти к выводу об окончательном формировании иконографической модели современного территориального герба в России, о характерных его чертах, традициях, о механизмах герботворчества.

Статья создает представление о современной территориальной геральдике и отражает ее высокую степень визуального своеобразия.

Ключевые слова: иконография, геральдика, герботворчество.

Иконографические аспекты чрезвычайно важны для геральдики. Одним из основных признаков, позволяющих отличить герб от эмблемы

и символа, является его соответствие строго установленной визуальной модели, которая определяет набор элементов, цвета и их соотношение, пропорции, выбор эмблем и иные особенности изображения. Изучением иконографических аспектов герба занимается особый раздел гербоведения – формальная геральдика.

Становление иконографических особенностей отечественной геральдики происходило в XVIII в. под сильным влиянием европейского (преимущественно французского) опыта, хотя со временем сложились и национальные особенности геральдического изображения [10, 64].

Литературы, которая посвящена проблемам формальной геральдики, на русском языке немного. Самое подробное изложение этих правил содержится в лекциях Ю.В. Арсеньева, а наиболее распространенным и часто используемым является очерк Н.А. Типольта в книге «Русская геральдика». Обе эти работы изданы в начале XX в. и основаны на немецкой геральдической традиции. Иконографический опыт отечественного гербот-

* © Багулин А.В.